

ЖЕНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ДУБНЕ В 1950–1960-Е ГОДЫ

Н.Л. Пушкарева, А.В. Жидченко

Наталья Львовна Пушкарева | <http://orcid.org/0000-0001-6295-3331> | pushkarev@mail.ru | д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра гендерных исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Александр Владимирович Жидченко | <http://orcid.org/0000-0002-2948-4008> | travel822@yandex.ru | к.и.н., старший научный сотрудник центра гендерных исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

женская повседневность, городская антропология, быт, город, устная история, эгодокументы

Аннотация

В статье проанализированы структуры женской повседневности в наукограде, призванном стать “витриной социализма” в СССР в 1950–1960-е годы. Авторы полагают, что в годы хрущевской оттепели и создания научных центров по всей стране, женщины попадали в этих новых городках в нетривиальные для традиционной женской советской повседневности условия, где обретали возможность реализовывать собственные жизненные стратегии в науке и смежных сферах. Но воспользовались этой возможностью немногие. Жительницы закрытого наукограда Дубны имели доступ к особому снабжению и образцовой для того времени социальной инфраструктуре, контактировали с иностранцами, пользовались многими достижениями культуры. Триангуляция секвенций биографических рассказов представительниц разных социальных слоев, сопоставление их с материалами СМИ, выписками из нормативных источников позволили прийти к выводу, что традиционный гендерный контракт, подвергшийся лишь слабой эрозии в первые десятилетия советской власти, не только не исчез, но даже укоренился в этом “городе будущего”, населенном конструкторами, изобретателями, учеными. В силу ригидности этого контракта большинству жительниц Дубны не удалось, да и не хотелось становиться самостоятельными акторами, стремящимися заявить о себе и своих профессиональных амбициях в науке или публичной сфере. Сквозь призму повседневности и социальной памяти раскрыта социальная роль таких женщин. Она сводилась к исполнению социальных ожиданий, готовности оставаться на обслуживающих ролях и создавать надежный тыл мужьям-ученым, трудившимся над одним из главных советских проектов в сфере ядерной физики.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22-28-01428]

Статья поступила 23.11.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 18.04.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. Женская повседневность в Дубне в 1950–1960-е годы // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 211–226. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050135> EDN: YENBEZ

Pushkareva, N.L., and A.V. Zhidchenko. 2023. Zhenskaia povsednevnost' v Dubne v 1950–1960-e gody [Everyday Life of Women in Dubna of the 1950s–60s]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 211–226. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050135> EDN: YENBEZ

Интерес к изучению опытов, практик, а главное переживаний, реализующих субъективное женское восприятие привычного и обыденного, – того, что составляет *женскую повседневность*, в последнее время заметно вырос (Белова 2006). Восполнить пробел в изучении реальности, которая проинтерпретирована женщинами в их воспоминаниях и “имеет для них субъективную значимость в качестве жизненного мира” (Бергер, Лукман 1995: 38), можно посредством самых разных источников, в пространстве множества тем, в том числе изучая антропологию российского академического сообщества, сильно феминизировавшегося за годы советской власти. В истории этого сообщества был особый переломный момент: 1950–1970-е годы. Именно тогда на волне огромного внимания к тем, кто “делает ракеты”, в стране было создано несколько крупнейших научно-промышленных комплексов, разрабатывавших новые технологии во взаимодействии с университетами и НИИ.

В рамках лонгитюдного проекта о женской социальной памяти “великого десятилетия оттепели” мы уже несколько лет собираем интервью в различных городах России – как промышленных (Салават, Ангарск), так и научных (сибирский Академгородок) (Пушкарева, Жидченко 2022). В этой работе мы применяем антропологические методы реконструкции женской повседневной жизни в российских научных центрах 1950–1960-х годов и в продолжение темы предлагаем рассмотреть особенности женского быта еще в одном центре, названном позже, в 1991 г., *наукоградом*, – подмосковной Дубне.

Для экспликации своей аналитической позиции нам кажется важным упомянуть о методологических подходах, характерных для полевиков, признающих значимость гендерной концепции (Warren, Hackney 2000). Мы сочли важным не отвергать и собственный социальный повседневный опыт (“Личное есть политическое!”), дистанцированный временем, другим поколением, иными образовательными основами, но все же релевантный нам как аналитикам. В своей работе мы сочетаем социокультурный и аксиологический подходы, используем ретроспективный и сравнительный анализ, теорию ценности ожиданий, опираемся на теоретическую базу признанных в мировой науке антропологов (Van Maanen 2011). Углубленное же исследование мотивации и поведения респондентов, апелляция к их оценкам прошлого предполагали столь необходимые в женских исследованиях сочувствие и сопереживание каждому биографическому “инсайду” (Пушкарева 2004: 83), вписанному в сложный и противоречивый социальный контекст середины XX в.

Выделим несколько принципиальных положений, лежащих в основе нашей работы. Во-первых, проявленная эмпатия к респондентам зиждется на принципах гендерной антропологии и “понимающей социологии”, определяющих женщин как главных информанток. Во-вторых, рассказанные респондентками факты и события эвалюировались контекстуально, в связи с событиями политической и культурной истории, – без попыток соотнести их с общечеловеческими ценностями. В-третьих, в исследовании отдано предпочтение не количественным данным, а включенному наблюдению, глубинным интервью, устным историям женщин и контент-анализу этих историй, как того требует позиция гендерного антрополога (Пушкарева 2008: 38). И если действительно в конце 1950-х годов физики в СССР были в большом почете (“Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне... дело не в сухом расчете, дело в мировом законе” [Слуцкий 1959]), то распространялся ли такой почет и на их жен? Насколько обыденными, характерными для всех женщин страны были образ жизни и временной бюджет жительниц наукограда, насколько связаны были женщины Дубны стереотипными социальными ожиданиями и стремлениями? Была ли Дубна для них жизненным проектом их мужей, временем, которое нужно было просто перетерпеть? Какой смысл имела работа

женщин на должностях обслуживающего научного персонала? Воспринимали ли женщины такое свое положение как должное и могли ли находить удовлетворение своих амбиций в семейной, а не в профессиональной жизни?

Город “мужской науки” – научный центр на границе Тверской и Московской областей

В отличие от некоторых засекреченных, так наз. номерных городов, опоясанных колючей проволокой, Дубна, сродни новосибирскому Академгородку, возникла как город большой науки. В 1937 г. на месте будущего наукограда была возведена Ивановская ГЭС (Молчанов 2003: 7), а после войны поблизости от ГЭС в обстановке строжайшей секретности началось строительство установок заряженных частиц для разработки проектов, связанных с ядерными исследованиями. После успешного испытания атомной бомбы в 1949 г. строительство рассекретили, о решении создать Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ) сообщили в открытой печати. В 1951 г. в 126 км к северу от Москвы началось создание экспериментальной базы реактивных самолетов (филиал конструкторского бюро им. А.И. Микояна) (Прислонов 2006: 10). Инновационность проекта состояла в том, что планировалось построить одновременно с институтом и КБ удобное жилье для занятых в них сотрудников. К 17 марта 1954 г., когда Указом Президиума ВС РСФСР безымянный населенный пункт в густом лесу был преобразован в “поселок Дубно”, в нем уже стояло десять первых двенадцатиквартирных домов, пять двухквартирных коттеджей, два двухэтажных общежития, баня, хлебопекарня, ясли и начальная школа (Жидкова 2006: 65), позднее разбили парк на набережной Волги, а в 1964 г. создается единый архитектурно-планировочный ансамбль из трех районов – Институтского, Левобережного и Большеволожского.

Понятно, что основным донором научных кадров была столица. Поставленные перед необходимостью создавать “ядерный щит” страны, физики часто представляли свое будущее как “ссылку на восток” (где и разворачивались главные события). Еще летом 1948 г. академик И.В. Курчатов просил физика В.П. Джемелёва “предупредить жену” о том, что вскоре придется уезжать. Но, как выяснилось, уезжать предстояло не так уж и далеко и в территориальном, и в “философском” смысле: расстояние от столицы до Дубны определялось как “2 часа на ЗИМе” (Жидкова 2006: 63).

Повседневный быт нового научного центра по обслуживанию крупнейшего в мире ускорителя (построенного в Дубне в 1957 г. синхрофазотрона) создавался, однако, не академиками. Младший обслуживающий персонал, работники котельных, бань, пекарен, магазинов, почт, поликлиники, без которых была бы невозможна нормальная жизнь городка, набирались из местных деревень Юркино, Козлаки, Ивановково, Новоивановково, пос. Большая Волга. Соседство с интеллектуальной элитой страны оказало немалое социально-экономическое и культурное воздействие на жителей близлежащих населенных пунктов: заставило поменять образ жизни, повлияло на их собственную судьбу и судьбу их детей. Это было «время своеобразного “врастания” друг в друга двух городов, рождались новые семьи», – так описала те годы в своих воспоминаниях бывшая комсомольская активистка (Коньгина б.г.).

Очевидцы перемен 70-летней давности вспоминают, как их “в глуши забытые селенья” внезапно стали преображаться, поскольку городок Дубно (постепенно ставший Дубной) быстро обрастал сетью магазинов, культурно-бытовыми и досуговыми учреждениями, а рядом сохранялись густой сосновый бор и Ивановское водохранилище (названное Московским морем) (Жидкова 2006: 46).

Образцы нового градостроительства появлялись в Институтской части Дубны, где для академиков возводились газифицированные, обеспеченные центральным отоплением индивидуальные лесные коттеджи, а для профессоров, доцентов и младших научных сотрудников – дома с большими удобными квартирами. В шаговой доступности находились не только сами институты, но и бытовые учреждения. Радовал быстрый рост числа магазинов, торговых палаток, столовых с буфетами, уже в 1954 г. приезжих из Москвы поражала «столовая “Дружба” с красивым буфетом и столами, покрытыми скатертями» (Попов 2014). В 1955 г. на Площади Мира открылся ресторан. Для быстрого сообщения с Москвой и Ленинградом прокладывались новые железнодорожные магистрали (Прислонов 2010: 3).

Но все же от шумной столичной жизни уехать в такой тихий городок готовы были не все. Выпускники московских физических факультетов и институтов честно признавались, что первое впечатление о Дубне было “прямо скажем, не очень”, и кому-то вспоминались лермонтовские строчки “На севере диком стоит одиноко / На голой вершине сосна”. Но первое впечатление сменялось радостью включения в особое творческое сообщество, и та же мемуаристка уже замечала “не только сосны, но и цветущие липы, роскошные осенние клены и каштаны” (Заикина 2016: 38–40).

Все, что характеризует корпоративную культуру, – атмосфера единения, общих целей и дела, особая рабочая среда и общий досуг – было в Дубне ярко выражено. Все помнящие лучшие годы городка рассказывали о совместных выездах на всемирные симпозиумы, о совместных походах на пляж, о субботниках, о высоком уровне взаимопомощи (если возникали сложности с устройством ребенка в детский сад, с жильем, с продуктами) и, конечно, о совместных поездках в Москву в театры, на выставки, на концерты, а также о вечерах в Доме ученых – месте притяжения творческих сил всех поколений в Институтской части города.

“Девушек сюда не берут!”: женский труд в лабораториях Дубны

Несмотря на отсутствие видимых гендерных преград на пути к освоению женщинами теоретической физики, выдающимися советскими учеными в этой сфере в послевоенное время были преимущественно мужчины. Среди них было немало людей, преданных науке, они настолько были сосредоточены на своей работе, что в первый раз поцеловались только в 50 лет... (как, например, физик-ядерщик член-корреспондент РАН М.Г. Мещеряков). В современном зале славы музея Объединенного института ядерных исследований, где представлены отцы-основатели этого научного учреждения, на стенах исключительно мужские портреты.

В топонимике Дубны нет ни улиц, названных именами женщин, ни памятников женщинам-ученым. Традиционный гендерный контракт отнюдь не исключал женщин, однако он предполагал их “второстепенность”. Меж тем женщины были в Дубне востребованы – и для длительных трудоемких процессов, и для редактирования готовых статей, монографий, диссертаций. О них вспоминали на банкетах (“Всем нам помогали наши жены”), отмечая как особую заслугу умение отдельных ученых обходиться без жен, без “заботливых женских рук”, выполняя научно-технические и экспериментальные работы (Мещеряков 2016). Научные сотрудницы были нужны, но не у всех были такие помощницы.

Анализ воспоминаний убедил нас в том, что “путевку” на работу в Дубну было проще получить супругам-физикам. Если направление получал мужчина, то в научном центре находилась работа и его жене. Е. Кладницкая, сотрудни-

ца Лаборатории высоких энергий, познакомилась с будущим мужем на физфаке МГУ. После окончания с красным дипломом вуза в 1952 г. супруги оказались в лаборатории основоположника ускорительной техники академика В.И. Векслера. Узнав, что у молодых нет своего жилья, он как раз и предложил им работу в Дубне. “Нам, вчерашним студентам, предложили на выбор две двухкомнатные квартиры на первом этаже. Одна из них с окнами на юг (в тот момент залита солнцем), но без ванны, вторая с ванной, но на северную сторону”. Мемуаристка выбрала солнечную сторону, поскольку... “нам еще не довелось к тому времени пользоваться ванной” (*Кладницкая* 2020: 7–8). О решенности жилищного вопроса для переехавших в 1963 г. пел бард Ю. Ким. Он подчеркивал особую атмосферу Дубны и готовность живущих там физиков поселить у себя даже диссидентов, вроде сына репрессированного П.И. Якира, в годы оттепели ставшего правозащитником (“Как сын в Москве? / Без шуток, сын Якира? / Послушайте, у нас с женой квартира / Гигантская. Вот с ним бы – к нам бы, а?”) (*Ким* 2011: 133). Женам после таких приглашений ничего не оставалось, как соглашаться.

Когда же одинокие женщины после окончания вузов приезжали в ОИЯИ, то сначала к ним могли относиться не слишком любезно. Так, выпускница МФТИ Т.И. Забой, получившая направление в Дубну, в Лабораторию вычислительной техники и автоматизации, вспоминала, как ее, “полную надежд и энтузиазма” вначале не пускали в “административное здание, просили подождать в коридоре”, а после “суровая дама из отдела кадров, взяв направление”, вынесла вердикт: “Это какая-то ошибка, предприятие вредное, связанное с радиацией, девушек сюда не берут!” – и посоветовала “найти другое, более подходящее место работы” (*Забой* 2016: 33).

Действительно, физиков-ядерщиков среди женщин в то время не было. И научную карьеру в Дубне делали именно мужчины, сохраняя традиционный гендерный контракт: они обеспечивали финансово свои семьи, в то время как жены занимались детьми и домашним хозяйством или работали на вспомогательных должностях. Дилемму соответствия/не соответствия указанной традиционности отобразил снимавшийся в лабораториях Дубны М.И. Роммом в 1962 г. фильм “Девять дней одного года”. По сценарию, главная героиня Леля (в исполнении Т. Лавровой), влюбленная в молодого физика – фанатика науки Митю Гусева (А. Баталов), получившего дозу радиации, часто повторяла: “Я плохая жена...”. Подразумевалась особая миссия супруги ученого, которой она, не посвятившая себя семье и уходу за любимым мужчиной, не соответствовала. Ту же дихотомию (плохая–хорошая жена) можно найти в повести 1968 г. “Я люблю нейтрино” Г. Николаевой. Но, благодаря перу писательницы, жена может стать хорошей и подчеркнута счастливой, вырвавшись из тисков традиционной семейной (обслуживающей) роли, став сама ученой (“Счастливейшая из женщин! Молодая, красивая, ученая и с таким женихом вдобавок! почти Жолио-Кюри!”) (*Николаева* 1968).

Устные воспоминания старожилок наукограда подтверждают, что в физических лабораториях ОИЯИ женщин практически не было, но в химических лабораториях немногочисленные сотрудницы встречались (“было немного”) (память сохранила и их имена: Н.А. Лонина, А.К. Попова, И.М. Столетова, Л.А. Филимонычева) (*Шафранова* 2003; *Попов* 2014). Но главным образом женщины трудились “в хозяйственном отделе. Обслуживающий персонал – тоже женщины, от технических работников до младшего обслуживающего... сама начинала с работы лаборанта, а потом техником”, – призналась одна из респонденток (ПМА 2022: Баринова). В воспоминаниях мужчин имена женщин-физиков, работавших вместе с ними в лабораториях, встречаются: Наташа Янева – о ней отзываются как о человеке исключительных личностных качеств, жена румынского физика

Драгическу, “Неля Ширикова с мехмата МГУ”, “две Эллы – Рындина и Васильева; Э.З. Рындина была двоюродной сестрой Л.Д. Ландау”, Э.Н. Каржавина, И.В. Курносова, “опытный лаборант” М.С. Язвицкая (Тулянкина) – их справедливо называют “рядовыми науки” (Попов 2014). В списках кандидатов физико-математических наук тех лет женские фамилии встречаются редко, не говоря о списках профессоров. Показательно, что ветераны-дубненцы говорят, как о само собой разумеющемся, о том, что женщины в Дубне всю жизнь занимались обслуживанием ЭВМ: это “занимало много часов машинного времени, которое выделялось по ночам, так что [им] доставались ночные бдения”, в то время как мужья этих женщин (творцы!) постепенно дорастали до “главных математиков-системщиков, начальников секторов” (Попов 2014).

Безусловно, среди трудившихся в Дубне женщин-физиков были и Лауреаты Государственных премий, не получившие, однако, в отличие от именитых коллег-мужчин, мировой известности. Восполнить эту несправедливость пыталась вышеупомянутая Г. Николаева (автор романов “Битва в пути” и “Жатва”), запланировавшая в “оттепельные 60-е” завершить трилогию романом о женщинах-физиках. Прообразами ее героинь стали физик-экспериментатор, соавтор многих открытий, связанных с ускорителями, М.Г. Шафранова (1930–2020, жена физика М.Д. Шафранова) и посвятившая жизнь физике высоких энергий Е.Н. Кладницкая (1929–2012). В поисках “советской Марии Кюри” Г. Николаева приезжала в Дубну, сделала наброски романа “Сильное взаимодействие”, но закончить его не успела. Отрывок из незавершенного романа Г. Николаевой в виде уже упомянутой повести “Я люблю нейтринно” был опубликован в журнале “Наука и жизнь” уже после смерти писательницы, но в годы наибольшей активности прототипов ее героинь. Кроме того, многие респонденты вспоминают М.А. Левитскую, Е.А. Феокистову, Н. Биргер, М. Беляеву (Рухадзе 2003; Фетисова 2019). Женщин, занимавшихся в Дубне наукой, поначалу было мало (что продемонстрировал медиапроект “Очаровательная наука”, собравший микробиографии нескольких из них) (Очаровательная наука 2022), но все же соотношение полов на протяжении 70 лет медленно менялось, и ныне, в 2022 г., научные сотрудницы ОИЯИ и других институтов в Дубне составляют 19,4% от общего списочного состава (среди них 20 кандидатов, 3 доктора наук; больше половины всех работающих женщин моложе 45 лет) (Немного статистики 2022).

Повседневный быт и культурная жизнь Дубны глазами старожилов

Повседневный быт жительниц Дубны начал складываться еще во времена палаточного поселения, до превращения поселка в наукоград. Вначале и с Москвой связь была весьма сложной: “Февральским морозным днем мы прибыли в Ново-Иваново (позднее Дубна): я в кабине грузовика, уходившего из ФИАН, Вадим на поезде до Большой Волги, а далее пешком”, – вспоминала 1953 г. Е.Н. Кладницкая (Кладницкая 2020: 8). Но поселок, превращавшийся в город, отстраивался стремительно; планировка была типичной для такого рода поселений середины XX в.: радиальное расположение аллей и улиц (часто получавших имена ученых) от центральной площади, малоэтажная застройка, светлая окраска домов, Дом культуры и административные здания в стиле, ныне именуемом “сталинским классицизмом”.

Если научный “синклит” приезжал обычно в готовые коттеджи, то в обеспечении жилищно-бытовых условий молодежи немалую роль играл созданный в конце 1950-х годов (как детище комсомольской организации) Совет молодых специалистов института (СМС). Молодежь размещалась в общежитиях (которые зачастую и строились, и убирались после ремонта силами заселяющихся).

СМС добивался быстрой постановки на очередь семейных пар для получения бесплатного отдельного жилья (Попов 2014), занимался организацией досуга в молодежных клубах, комплектованием туристических групп и подготовкой вожаков для детских лагерей отдыха. Примечательно, что главенствовали в СМС, судя по спискам и фотографиям, мужчины, а среди исполнителей задуманного было немало женщин (Ломтев б.г.). Женщины изредка оказывались и на должностях освобожденных комсомольских секретарей, например Н.С. Коныгина, чьи воспоминания о юношеских годах почти не содержат описаний ее собственного быта, они повествуют о включенности молодежи в дела “старших” (“комсомол старался жить тем, чем жил город”): о посадках яблоневых аллей на набережной Волги и на улице Мира, об организации общего отдыха на Московском море (Коныгина б.г.).

Культурная жизнь еще недавно безвестного поселения развивалась в 1950–1960-е годы стремительно, создавалось информационное поле, позволяющее судить о достижениях ученых, и в этом немалую роль сыграли женщины. Первых активисток – А.М. Леонтьеву (прибывшую по направлению обкома партии и ставшую первым редактором созданной в 1957 г. дубненской газеты “За коммунизм”) и В.А. Ларину (первого ответственного секретаря издания) благодарно вспоминают по сей день (Молчанов 1997), как и тех, кто обеспечивал городок препринтами, собирал позже первую библиотеку института (С.Х. Кабанова). “Сплачивала молодость и чувство общности, воспитанные в семье и школе”; 1960-е годы были годами, когда “потоком приходили по путевкам министерств выпускники авиационных, машиностроительных вузов, все [были] молодые и занимались молодежными проблемами: профессиональный рост, отдых, жилищно-бытовые” (Ломтев б.г.). Исходили из того, что необходимо постоянно уделять время популяризации полученных в институтах результатов, “вести диалог доступным для общества языком, именно на шестидесятые пришелся расцвет научно-популярной и научно-художественной литературы” (Расторгуев 2007).

Феномен “городов ученых”, как уже показал наш анализ истории Академгородка в Сибири, состоял и в том, что в их среде как бы не действовал негласный советский запрет на неформальное искусство. Местом неофициальной культурной жизни в будущем наукограде было, по словам многих, расположенное неподалеку от вокзала кафе “Нейтрино”. Супы в нем “подавали в далекие 60-е в бульонных чашках (на европейский манер)”, “чай здесь можно было пить в пакетиках на ниточках, то опуская пакетик в заваривающийся напиток, то вынимая. И бутылочки с простоквашей – маленькие, а не как везде, по поллитра зараз”. Запавшие в память детали (которые современным москвичам покажутся обыденностью) – свидетельство необычности быта научного городка и “Нейтрино” как центра особой бытовой культуры. Именно в этом кафе научной интеллигенции удавалось послушать пластинки, о которых “не должны были знать в районных комитетах комсомола и партии (Попов 2001; Понтекорво 2021). Дубну посещали в разное время Л.Н. Гумилев, Б.Н. и А.Н. Стругацкие, Ю.П. Любимов, В.С. Высоцкий (Хизов 2010).

Вспоминая Дубну 70-летней давности (кафе, круг чтения, спорт), люди подчеркивают, что высокий уровень образования, соответствующая ему культура поведения городковцев распространялись и на жителей соседних сел. Международные контакты – атрибут научной повседневности Дубны – заставляли городок соответствовать идеальному образу научного центра. Скрытой дискриминационной практикой (при всем декларируемом равноправии) было делегирование всех функций организации “культурного досуга” именно женщинам: пока мужья вершили судьбы науки, жены присутствовали на международных конференциях в качестве их спутниц; они занимались организацией всей культурной жизни

города, в том числе и приемом гостей. Когда в Дубну приезжала Б. Ахмадулина, супруга физика В.С. Бутцева предложила благодарно “завалить ее сиренью”. “Мы нарвали охапку, и она утонула в этом огромном букете, помолодела, расплакалась, обняла нас и промолвила: Я знала, что физики – особые, эмоциональные люди” (Бутцев 2018).

Возникнув в 1950-е годы, Дубна была поначалу просто “мужским городом”, да и сам ОИЯИ был укомплектован тогда холостыми интеллектуалами. На тихих улицах и аллеях, где в окна домов “заглядывали кудрявые молоденькие яблоньки и вековые сосны”, быстро завязывались романтические отношения, о которых с радостью вспоминают те, кто прожил там лучшие годы. “На улице Вавилова целует дева милого, по улице Курчатова шли пареньки с девушками”, – простодушно рифмовал строки один из местных поэтов, по всей видимости, выходец из тех рабочих семей, что приезжали строить город, возводили “сталинки” и коттеджи, а затем и многоквартирные дома оттепельного времени.

Девушек из рабочих семей старались привлекать к молодежной (комсомольской) жизни города, жительниц окрестных сел – к работе в детских садах, библиотеках, клубах. На бесчисленных субботниках женские и мужские бригады работали вместе, молодые люди знакомились и создавали семьи (Беличко 2018), свадьбы играли в ДК “Дружба”. Местом встреч была и танцплощадка в парке. Она была непохожа на сельские: “никаких пьянок на танцплощадке, никаких безобразий, а если встречалось, то быстро решалось” (Стефановская 2018: 174). Научный центр “окультуривал” брачный рынок Дубны. Сотрудница лаборатории нейтронной физики Людмила Буц организовала в корпусе ОИЯИ открытый книжный киоск, где были журналы и книги на разных языках. Все это привозилось из магазина, раскладывалось на столе в коридоре, а деньги опускались в ящичек, стоявший среди книг (Попов 2018).

Близость Волги и рукотворного Московского моря оказывала влияние на досуг. Частью повседневья – без гендерных различий, как запомнилось многим – были занятия спортом: плаванием (бассейн “Архимед” зимой, Волга и водохранилище летом), водными лыжами (соревнования проводились с середины 1950-х годов) (Хизов 2010), а также увлечение рыбалкой. “Нас дружило 7 пар, ездили на острова на Московское море. Мужчины до зари вставали, сеть ставили, а ночью у них уже уха варилась – мы, девушки, утром встанем, уху едим. Муж местный, знал грибные места. Рядом брусника, черника”. С маленькими детьми семьям становилось часто не до спорта и рыбной ловли. “Целыми днями были на пляже. Дочь спит, а мы мороженое купим... А зимой лыжня была, ходили на лыжах втроем с дочкой. Самые счастливые годы это были” (ПМА 2022: Г.М.).

“В золотой клетке”: жизнь иностранок в Дубне

Объединенный институт ядерных исследований с 1956 г. работал как международный научный центр, и потому рядом с гостиницей в центре городка развевались государственные флаги соцстран (Лебедеенко 1968: 14) – закрытым городом Дубна не была. Многие зарубежные ученые приезжали со своими женами и детьми. Среди представительниц других стран были и женщины-физики, так что иностранки также формировали повседневную жизнь Дубны в годы оттепели и позже (Капырин, Сергеев 1958: 6–7). Уровень жизни семей иностранцев в наукограде оказывался выше, чем на родине, что позволило чеху Ф. Легару назвать жизнь в Дубне “золотой клеткой”, которая “больше охраняла от внешнего мира, чем запрещала из нее вылететь”; “жизнь стала спокойнее”, чем дома, хотя и “работы было намного больше”. При этом приглашать иностранцев в свои квартиры позволялось только с разрешения первого отдела

(специального подразделения, обеспечивавшего режим секретности и сохранность разработок). Знакомство иностранцев с женами наших физиков обычно происходило в Доме ученых, ресторане “Дубна” (но и об этом надо было предупредить первый отдел). Ходили слухи, что в некоторые столы в Доме ученых были вмонтированы подслушивающие устройства (*Капырин, Сергеев* 1958: 27). Для жен иностранцев профком мог устроить общую с женами советских физиков прогулку на катере (особенно, если находилась переводчица, свободно общавшаяся по-английски; работники ОИЯИ в большинстве своем этим не блистали) (*Зиновьева* 2001). В целом же жизнь в более чем сотне километров от столицы могла для иностранок реально стать “золотой клеткой” – со служебной квартирой, машиной, специальным снабжением, но без радости общения и свободы. Бывшая сотрудница первого отдела вспоминала:

Купила я французский велюр, сшила платье, мы с мужем пошли в ресторан – многие мужчины обернулись, и меня пригласил на танец худощавый красивый венгр, с нами за стол сел, мы весь вечер пили, смеялись. А на завтра мы ехали сажать картошку. Венгр спросил: “Можно с вами?” Муж утром мне говорит: “Мы же в первом отделе, какая картошка?” – позвонил этому венгру, сказал, что сажать не будем, спасибо-спасибо! И на этом у нас картошка закончилась (ПМА 2022: Г.М.).

Чтобы жены иностранных ученых не скучали при ограничении свободы общения, сын итальянского физика Б. Понтекорво организовал уроки верховой езды. “Физики из стран СЭВ открывали новые частицы, а для их жен работы не было; конно-спортивный клуб стал прекрасным занятием для прекрасных дам” (Истории из жизни 2021). Иностранок радовали предпочтения их детям в местной школе, где вместе учились венгры, болгары, немцы, поляки, а дочь монгольского физика Х. Соднома была выбрана председателем пионерского отряда, хотя только начинала говорить по-русски. Жен зарубежных ученых восхищала установка на гендерное равноправие в образовании и выборе профессии, отмеченная австрийским журналистом. Поговорив с одной из дочерей ученых по-английски, он удивился ее желанию стать врачом и сказал, что «у них к женщинам в науке относятся пренебрежительно, считают их тупыми, так и сказал “Women are stupid”...» (*Зиновьева* 2001: 4).

Удержать иностранного ученого от отъезда в свою страну могла в немалой степени его супруга. Так что запросы жен ученых из социалистических, а тем более из капиталистических стран на товары и услуги удовлетворялся полнее, чем запросы жен советских ученых. Иностранки могли заказать из Москвы и даже из другой страны все – от стиральной машины до шубы; советские же имели шанс либо получить от представительниц зарубежья что-то как подарок, либо купить в спецмагазине для иностранцев что-то “из оставшегося”: “У иностранцев спецмагазин был, туда привозили ананасы, апельсины, мандарины. Что оставалось – давали и нам возможность купить. А так и у нас в магазинах все было! И мясо, и колбаса” (ПМА 2022: Г.М.). В 1970–1980-е годы, по рассказам старожилов, общение советских специалистов с иностранцами стало теснее. Техник Лаборатории ядерных реакций Т. Баринова вспоминала, что вьетнамские физики готовили свои блюда на ее кухне (из продуктов, привезенных из Вьетнама), что она сама дружила с кубинкой Марией, приехавшей с мужем-физиком, – Мария также работала в химлаборатории, только “все время мерзла, ей было холодно... и к немцам [тоже] тогда в гости ходили, никто не запрещал” (ПМА 2022: Баринова). Дубна оставалась городом науки, но “разноязыкая речь, заголовки иностранных газет и книг на прилавках и витринах киосков” говорили о том, что “это международный город” (*Кнорре* 1976: 14–15).

Особенности женского быта в Дубне

Дубна как наукоград стратегической отрасли и научный центр международного уровня не сразу получил спецснабжение. Жизнь ученых поначалу была далека от московского комфорта. Все тяготы быта ложились на женщин. Так, семья ведущего ученого в середине 1950-х годов получила трехкомнатную квартиру на улице Курчатова, в ней не было ни газа, ни горячей воды, а были лишь “электроплитка и дровяная печь на кухне, на которой мама каждую неделю пекла что-то вкусное. В ванной была дровяная колонка, и заготовка дров была обязательным элементом жизни” (Зиновьева 2001).

Квартиры людей попроще были и вовсе коммунальными, причем газовые баллоны стояли “на улице, не было горячей воды – был титан в ванной, его топили дровами. В какой-то период стали побогаче, подвели центральный газ” (ПМА 2022: И.Т.). Так, получившие в 1953 г. двухкомнатную квартиру в Дубне супруги-физики Кладницкие обнаружили в ней лишь выделенные комендантом железную кровать, столик и два стула (Кладницкая 2020: 8).

Жизнь наладилась примерно за 10 лет, к середине 1960-х годов в Дубне была полноценная инфраструктура снабжения. Семьи ученых (а заодно и всех тех, кто их обслуживал в городе) не испытывали больше проблем с мебелью и бытовой техникой. В отличие от рабочих городов (Омский городок нефтяников, левобережье Магнитогорска, Волжский, Салават, Ангарск), где молодоженам в конце 1960-х годов приходилось первую мебель буквально делать своими руками, в Дубне свободно можно было купить все самое необходимое.

В Дубне мы снимали угол за печкой на Школьном проезде. Предполагалось, что это будет не меньше года, а уже 4 октября переезжали в комнату 20 метров, с высокими потолками, сделав там ремонт. Сестра моя осталась на день с дочкой, а мы со свекром пошли в мебельный и купили трехстворчатый шкаф, диван, кухонный стол, детскую кроватку – все за 1 день, и все в магазине было (ПМА 2022: Насонова).

Снабжение в Дубне было по первой категории, иностранцы и вовсе получали все безоговорочно. “Все было! для иностранцев – стол заказов. И сервелат, и печенку они всегда могли купить, и мне печенку тоже там отпускали – не отказывали”, – рассказала бывшая служащая (ПМА 2022: Насонова). У всех была возможность с начала 1970-х годов купить и полуфабрикаты, курятину, готовить по праздникам оливье, утку или индейку с яблоками, язык (ПМА 2022: Г.М.). Это сильно отличало будущий наукоград от рабочих городов, где повседневной закуской была квашенная капуста, а винегрет считался праздничным блюдом (ПМА 2019: Кочетова). В Дубне, по воспоминаниям старожилов, всегда можно было купить не только мясо, но и икру по госцене (ПМА 2022: И.Т.). При этом во всех семьях все равно принято было заниматься домашним консервированием (“каждая принесет на работу свои заготовки, все пробуем, у кого вкуснее. Ты мне рецепт, я тебе”) (ПМА 2022: Г.М.), тем более, что у многих горожанок были дачные участки, либо старшие родственники жили поблизости в деревне (“по 250 банок делала – всем: маме с папой, брату, бабушке со свекровью, грибов солили по 2-3 ведра, белые сушили – они становились золотистого цвета”) (ПМА 2022: И.Т.).

Если питались ученые и служащие городка примерно одинаково (кроме научной элиты, все покупали продукты в общих магазинах), то интерьер домов, конечно, отличался. Ученым в силу особенностей труда без выходных и праздников (Пушкарева 2021) требовались непременно книжные шкафы (или полки) и письменный стол. По воспоминаниям, один стол в отдельной комнате-кабинете полагался и в казенной обстановке коттеджей для академиков и руководителей

лабораторий. Если же в науке трудились оба супруга, в домашнем пространстве появлялось два письменных стола – и с этого начиналось обустройство на новом месте. “Купили двухтумбовый стол мужу и мне тоже, в ящичках документы хранили. Потом на кухню купили 2 табурета” (ПМА 2022: И.Т.). С начала 1960-х годов снабжение дубненцев мебелью и домашними “помощниками” стало лучше столичного – сказывалось желание сделать город витриной социализма: «Телевизор из Прибалтики “Таурус”, хрусталь из Чехии, тюль, торшер – все Прибалтика» (ПМА 2022: Г.М.).

Одевались в массе своей женщины Дубны тоже часто лучше столичных и не только потому, что многое можно было купить в местных магазинах. Поскольку на зарубежные конференции ездили лишь мужчины-физики, их жены, как правило, составляли для них список заказов: “Что такое для русского мужчины пойти в Женеве в женский отдел магазина и выбрать там что-то по размеру. Человек идет, как на заклание, держа в дрожащей руке листочек с цифрами, свидетельствующий о том, что его жена перед отъездом была измерена вдоль, поперек и по всем мыслимым округлостям” (Шириков 2016: 33). Сложнее всего в Дубне было с обувью, и, если в местный магазин что-то стоящее завозилось, многие женщины покидали институт среди рабочего дня, чтобы занять очередь. Перед магазином многие обменивались друг с другом нужными размерами. “При завозе кофточек на следующий день можно было увидеть много одинаково одетых женщин”. Это “замечали даже мужчины, которые, как правило, не замечают ничего” (Легар 1987: 16).

Проще, чем в других регионах страны, было в Дубне с детскими садами и школами. В этом образцовом соцгороде все располагалось в шаговой доступности, и это облегчало женский быт. Выросшая в семье отца – фрезеровщика высшего разряда ОИЯИ (такая рабочая должность, требовавшаяся для вытачивания деталей, была в штатном расписании института) и мамы – фельдшерицы дубненского роддома, Т. Баринава вспоминала:

Рабочий класс! Что мама, что папа работали день и ночь. Мы – тише воды, ниже травы, сами уроки все делали, сами решали, сколько играть во дворе. Кто лидером был во дворе, тот потом занимался общественной работой, все пошло с улицы! С подружками играли в семью, были такие маленькие наборчики – суп варили во дворе. Уйдем куда-нибудь 5-6 человек, приготовим что-то, травки порежем, как семья... и играли, и ссорились, и мирились, и решали... (ПМА 2022: Баринава).

Потом уже школа выделяла самых способных к разным предметам, и многие дети из Дубны впоследствии поступали в физико-математическую школу-интернат при МГУ. Женщины Дубны разных социальных категорий – жены именитых ученых и рядовых физиков, медсестры и технические работницы – были знакомы и даже дружили, поскольку их дети учились в одном классе. Подчас общение женщин предполагало и тесные контакты с иностранцами – так впоследствии сформировались международные браки (ПМА 2022: Насонова); общей тенденцией оставалось стирание социально-бытовых различий.

В то же время многочасовая работа женщин-физиков в лабораториях, с ночными переработками (за которые никто специально не платил) была обычной повседневностью научных институтов с горящими сроками выполнения заданий. Постоянно шли бурные обсуждения, в ходе которых на тонкости общения в смешанном коллективе никто внимания не обращал (“Наташа, Вы могли что угодно делать, но результаты эксперимента не обсосаны!”) (Рухадзе 2003), иногда (уточнив, “здесь женщин нет?”) излагали критику концептов, используя нецензурные выражения и тем самым веселя мужское сообщество (Попов 2003).

* * *

Изучение повседневности как самого обыденного и потому незамеченного и неотрефлексированного всегда нацелено на выявление неких констант, которые отличают данную культурную общность от другой. И такие константы при изучении женской повседневности выявляются легче, и сами они яснее. Анализ динамики изменения социальных и культурных условий в Дубне в годы оттепели и позже показал, что бытовая жизнь женщин наукограда значительно отличалась от повседневности женщин в других городах СССР, где существовали свои ограничения, правила, нехватка ресурсов. В ходе исследования мы старались выявить эти отличия, равно как и различного рода социальные барьеры. По разнообразию культурной жизни и уровню социального обеспечения Дубну можно сравнить с Москвой, по обеспечению жильем и уровню зарплат – с городами Крайнего Севера, по обилию иностранцев, с которыми можно было контактировать, – с республиками Прибалтики и соцстранами. Саморепрезентации респонденток в их рассказах позволили выявить по меньшей мере два типа жизненных стратегий, связанных с социальным происхождением и профессией: первый характерен для местных жительниц из соседних поселений, ставших дубненками, второй – для прибывавших из других городов и оседавших в наукограде выпускниц физматов и жен физиков и конструкторов. В чем-то, однако, эти стратегии смыкались.

Уже сами повествования старожилок Дубны о том, как до развала СССР строился и развивался город, что женщин было очевидно меньше даже в численном отношении и даже в те времена, когда демографический баланс предполагал нехватку мужчин, говорят о необычности этого подмосковного локуса. Местные жительницы, на глазах которых выросла Дубна, где в магазинах можно было “найти все”, которым жизнь подчас казалась сбывшейся мечтой, искренне гордились своей малой родиной. Если говорить о женщинах, увлеченных профессией, принявших приглашение переехать в наукоград, их преданность новому месту жительства воспитывались личным примером местных товарок. Для нового же поколения молодых женщин, уже выросших в Дубне, проблема самореализации оказывалась и проблемой смысла жизни: повзрослевшие девочки устремлялись в вузы и университеты столицы.

Если в сельской среде, в среде рабочих и мелких служащих главным содержанием гендерного контракта был невидимый женский домашний труд: уборка, приготовление пищи, заготовка продуктов, воспитание детей, то женщины научного мира, вспоминая о прошлом, говорили как о социокультурных аспектах быта, о свободе в высказывании своего мнения и в мышлении, так и об ограничениях, наложенных в то время на них системой. Этот второй тип гендерного контракта и женской повседневности характерен и для жен иностранных ученых, оказавшиеся в Дубне “в золотой клетке”, и для жен руководителей лабораторий и проектов, ставших заложницами “витрины социализма”, а также для жен рядовых научных сотрудников. Последние оказались наиболее удовлетворены жизнью, они приняли сложившиеся в Дубне реалии как счастливое стечение обстоятельств (поскольку женщины наукограда при любом сопоставлении жили лучше большинства ровесниц в других городах Союза), и их вполне устраивал статус лаборанток или технических работниц.

Закрытость научных проектов и разработок, идеологический прессинг “противостояния двух систем” не давали женщинам возможности стать значимыми, самостоятельными фигурами “научной когорты”. Итогом неявной гендерной фильтрации, начинавшейся с момента окончания физико-математических факультетов разных вузов, была следующая асимметрия: женщинам “доверяли” лишь бесконечные расчеты и наладки, а продуцированием идей занимались муж-

чины – именно их хвалили в поздравительных речах, их и награждали. Традиционный гендерный контракт (мужчина – добытчик, женщина – хранительница семейного уюта) не был подвергнут ломке. Даже представительская роль женщинам Дубны, как выяснилось, доверена не была (в отличие от сибирского Академгородка); они довольствовались скромным статусом объектов вдохновения, создательниц надежного тыла мужьям. Причем этот тыл жены ученых в Дубне создавали по советским канонам, в реалиях привилегированной атмосферы – с икрой и экзотическими фруктами, с торшерами из Прибалтики, выступлениями Б. Ахмадулиной и В. Визюкова, с возможностью часто бывать в ресторане, с поездками за границу. “Оповседневливание”, “размывание” привилегированности происходило медленно, резкая перемена к худшему в статусе Дубны в годы перестройки многими была воспринята с горечью и надеждами на возвращение к былому, но сбыться этим надеждам не довелось.

Источники и материалы

- ПМА 2019 – Полевые материалы авторов. Личный архив Жидченко А.В. 2019 г. Интервью с Кочетовой Н.Н. (1954 г.р.).
- ПМА 2022 – Полевые материалы авторов. Личный архив Жидченко А.В. 2022 г. Интервью с: Т.Б. Бариновой (1952 г.р.), Г.М. (1949 г.р.), И.Т. (1947 г.р.), И.Т. Насоновой (1938 г.р.).
- Беличко 2018 – Беличко Ф.С. Юность комсомольскую вовек не позабыть... // Комсомол Дубны. История в фактах / Сост. Н.Н. Прислонов. Дубна: ОИЯИ, 2018. С. 169–171.
- Бутцев 2018 – Бутцев В.С. Время выбрало нас // Комсомол Дубны. История в фактах / Сост. Н.Н. Прислонов. Дубна: ОИЯИ, 2018. С. 196–200.
- Забой 2016 – Забой Т.И. О том, что хранит память... // Это было недавно, это было давно... Сб. воспоминаний / Сост. Л.А. Калмыкова. Дубна: ОИЯИ, 2016. С. 33.
- Заикина 2016 – Заикина А.Г. Это было давно, очень давно, в прошлом веке // Это было недавно, это было давно... Сб. воспоминаний / Сост. Л.А. Калмыкова. Дубна: ОИЯИ, 2016. С. 38–40.
- Зиновьева 2001 – Зиновьева Л. Вспоминая молодость Дубны // Вести Дубны. 2001. № 73.
- Мещеряков 2023 – Мещеряков М.Г. И на солнце есть пятна // Дубненский фольклор. Музей истории науки и техники ОИЯИ. 11.04.2023. <http://museum.jinr.ru/ru/history/about-dubna/dubna-folk>
- Истории из жизни 2021 – Истории из жизни: семья Понтекорво в Дубне // “Еще не вечер”. 17.03.2021. <https://zen.yandex.ru/media/id/603606cee151807445da5ec/istorii-iz-jizni-semia-pontekorvo-v-dubne-60509b6c011181447b69e6fa>
- Капырин, Сергеев 1958 – Капырин Е., Сергеев О. В Дубне под Москвой. М.: Московский рабочий, 1958.
- Понтекорво 2021 – Понтекорво Б.М. Кафе “Нейтрино” // Лаборатория ядерных проблем им. В.П. Джелепова. 17.10.2021. <https://dlnp.jinr.ru/ru/news/list/234-chronograph/1659-kafe-nejtrino>
- Ким 2011 – Ким Ю. Поэтический сборник. М.: Константа-Принт, 2011.
- Кладницкая 2020 – Кладницкая Е.Н. Воспоминания // Библиотека еженедельника ОИЯИ. Дубна, 2020. С. 7–8.
- Кнорре 1976 – Кнорре Е. В Дубне, городе физиков // Новое время. 1976. № 14. С. 14–15.
- Коньгина б.г. – Коньгина Н.С. Комсомол в судьбе поколений дубненцев // Муниципальная библиотека Левобережья г. Дубны. Комсомолу 100 лет.

- Воспоминания. <https://bibl-dubna.ru/kraevedenie/komsomolu-100-let/545-komsomol-v-sudbe-pokolenij-dubnentssev-vospominaniya-konyginoj-n-s>
- Лебеденко 1968 – Лебеденко М. Дубна – город науки // Культура и жизнь. 1968. № 9. С. 14.
- Легар 1997 – Легар Ф. Сказки о золотой клетке. Дубна: ОИЯИ, 1997.
- Ломтев б.г. – Ломтев В. Комсомол в судьбе поколений дубненцев // Муниципальная библиотека Левобережья г. Дубны. Комсомолу 100 лет. Воспоминания. <https://bibl-dubna.ru/kraevedenie/komsomolu-100-let/611-komsomol-v-sudbe-pokolenij-dubnentssev-vospominaniya-lomteva-a-v>
- Молчанов 1997 – Молчанов Е. Роль прессы чрезвычайно важна // Дубна. Ежедельник Объединенного института ядерных исследований. 05.11.1997. <http://jinrmag.jinr.ru/ogazete.htm>
- Молчанов 2003 – Молчанов Е.М. Беседы о Дубне. Дубна: ОИЯИ, 2003.
- Немного статистики 2022 – Немного статистики о женщинах-ученых // Лаборатория ядерных проблем им. В.П. Джелепова ОИЯИ. 10.02.2022. <https://dlnp.jinr.ru/ru/news/list/1865-nemnogo-statistiki-o-zhenshchinakh-uchenykh>
- Николаева 1968 – Николаева Г. Я люблю нейтрино // Наука и жизнь. 1968. № 4. С. 18–22.
- Очаровательная наука 2022 – Очаровательная наука // Лаборатория ядерных проблем им. В.П. Джелепова ОИЯИ. 08.02.2022. <https://dlnp.jinr.ru/ru/news/list/1861-anons-mediaproekta-ocharovatel-naya-nauka>
- Попов 2003 – Попов Ю.М. О В.И. Векслере // Владимир Иосифович Векслер / Ред.-сост. М.Г. Шафранова. Дубна: ОИЯИ, 2003. С. 337–339.
- Попов 2018 – Попов А.Б. Комсомол и судьба // Комсомол Дубны. История в фактах и воспоминаниях / Сост. Н.Н. Прислонов. Дубна: ОИЯИ, 2018. С. 170–182.
- Попов 2014 – Попов А.Б. Дубна, ЛНФ // Дела давно минувших дней. Лаборатория нейтронной физики им. И.М. Франка. 11.04.2023. <http://fnph.jinr.ru/ru/history/memories/memories-of-our-employees/a-tale-of-the-times-of-old>
- Попов 2001 – Попов С. (реж.) Остров Дубна. По заказу Телекомпании “Студия 7”, АО “Вести Дубны”. 2001. http://vk.com/video20443879_161713436
- Прислонов 2006 – Прислонов Н.Н. Дубна – город творцов, исследователей и создателей // Подмосковный летописец. 2006. № 1. С. 10.
- Прислонов 2010 – Прислонов Н.Н. Дубна-2010: календарь знаменательных дат. Дубна: Международный университет природы, 2010.
- Расторгуев 2007 – Расторгуев А. Первые открытия ЛЯР // Дубна: наука, сотрудничество, прогресс. № 21. 25.05.2007. <http://wwwinfo.jinr.ru/~jinrmag/win/2007/21/na21.htm>
- Рухадзе 2003 – Рухадзе А.А. О В.И. Векслере // Владимир Иосифович Векслер / Ред.-сост. М.Г. Шафранова. Дубна: ОИЯИ, 2003. С. 332–333.
- Фетисова 2019 – Фетисова Н. Женское лицо атомной отрасли // АтомЭксперт. 2019. Т. 5. https://atomicexpert.com/women_in_nuclear
- Слуцкий 1959 – Слуцкий Б.А. Физики и лирики // Литературная газета. 13 октября 1959 г.
- Стефановская 2018 – Стефановская Л.И. Комсомольские годы – одни из самых замечательных в моей жизни // Комсомол Дубны / Сост. Н.Н. Прислонов. Дубна: ОИЯИ, 2018. С. 173–175.
- Хизов 2010 – Хизов В. (реж.) Дубна. Два берега // Фонд историко-краеведческих исследований “Наследие”. 2010. https://www.youtube.com/watch?v=cSWYF_IgT-0
- Шафранова 2003 – Шафранова М.Г. Несколько эпизодов. Исторический момент – на синхрофазотроне 10 ГэВ. Первые облучения ядерных фотоэмульсий // Владимир Иосифович Векслер / Ред.-сост. М.Г. Шафранова. Дубна: ОИЯИ, 2003. С. 287–295.

Шириков 2016 – Шириков В. Из Женевы с любовью // Тот самый “Импульс” / Сост. А.А. Расторгуев. Дубна: ОИЯИ, 2016. С. 33–35.

Научная литература

- Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. 85–97.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Московский философский фонд, 1995.
- Жидкова Л.Ф. История Дубны. Дубна: [б.и.], 2006.
- Пушкарёва Н.Л. Феминистский проект в новейшей этнологии и антропологии (1980–2000) // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 82–97.
- Пушкарёва Н.Л. Методы и методология современной этнографической науки: вклад феминистской антропологии // Етнична історія народів Європи. Т. 26. Київ: Наукова думка, 2008. С. 29–38.
- Пушкарёва Н.Л. Труд и отдых женщин-ученых в советской и постсоветской России в оценках их самих // Этнографическое обозрение. 2021. № 3. С. 98–105. <https://doi.org/10.31857/S086954150015498-7>
- Пушкарёва Н.Л., Жидченко А.В. Сибирский эксперимент в истории советского академического сообщества: бытовой и гендерный аспекты // QR. 2022. Vol. 10. No. 2. P. 593–611. <https://doi.org/10.15826/qv.2022.2.690>
- Van Maanen J. Tales of the Field: On Writing Ethnography. L.: University of Chicago, 2011.
- Warren C., Hackney J. Gender Issues in Ethnography. Thousand Oaks: Sage, 2000.

Research Article

Pushkareva, N.L., and A.V. Zhidchenko. Everyday Life of Women in Dubna of the 1950s–1960s [Zhenskaia povsednevnost' v Dubne v 1950–1960-e gody]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 211–226. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050135> EDN: YEHBEZ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Natalia Pushkareva | <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331> | pushkarev@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Alexander Zhidchenko | <http://orcid.org/0000-0002-2948-4008> | travel822@yandex.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

women, everyday life, urban anthropology, city, oral history, ego documents

Abstract

The article analyzes the structures of women's everyday life in the “science city” of Dubna, designed to become a showcase of socialism in the USSR of the 1950s–60s. We believe that during the years of the “Khrushchev thaw” and the rise of scientific centers throughout the country, women in these new towns found themselves in non-trivial conditions for traditional Soviet women's everyday life, where they gained the opportunity to implement their own life strategies in science and related fields. Few took advantage of this opportunity, however. Residents of the closed town of Dubna

had access to special supplies and social infrastructure that was exemplary for that time; they were able to contact foreigners and enjoyed many cultural privileges. Triangulation of the sequences of biographical stories conveyed by representatives of different social strata, comparing them with media materials and extracts from normative sources led us to the conclusion that the traditional gender contract, subjected to only slight erosion in the first decades of the Soviet power, did not disappear at all – in fact, it took root in the “city of the future” inhabited by designers, inventors, and scientists. Due to the rigidity of this contract, the majority of Dubna’s residents did not succeed in becoming, and did not want to become, independent actors seeking to declare themselves and their professional ambitions in science or the public sphere. We attempt to reveal the social role of such women through the prism of everyday life and social memory. We argue that it boiled down to the fulfillment of social expectations, the readiness to remain in service roles and provide a reliable rear support for their husbands-scientists who worked on major Soviet projects in the field of nuclear physics.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769>
[grant no. 22-28-01428]

References

- Belova, A.V. 2006. Zhenskaia povsednevnost' kak predmet istorii povsednevnosti [Women's Everyday Life as a Subject of the History of Everyday Life]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 85–97.
- Berger, P., and T. Lukman. 1995. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social Construction of Reality]. Moscow: Moskovskii filosofskii fond.
- Pushkareva, N.L. 2004 Feminist Project in Modern Ethnology and Anthropology (1980–2000) [Feministskii proekt v noveishei etnologii i antropologii (1980–2000)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 82–97.
- Pushkareva, N.L. 2008. Metody i metodologiya sovremennoy etnograficheskoi nauki: vklad feministskoi antropologii [Methods and Methodology of Modern Ethnographic Science: The Contribution of Feminist Anthropology]. *Etnichna istoriia narodiv Evrope* [Ethnic History of the Peoples of Europe], 26: 29–38. Kiev: Naukova dumka.
- Pushkareva, N.L. 2021. Trud i otdykh zhenshchin-uchenyykh v sovetskoi i postsovetskoi Rossii v otsenkakh ikh samikh [Work and Leisure of Women Scholars in Soviet and Post-Soviet Russia as Assessed by Themselves]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 98–105. <https://doi.org/10.31857/S086954150015498-7>
- Pushkareva, N.L., and A.V. Zhidchenko. 2022. Sibirskii eksperiment v istorii sovetskogo akademicheskogo soobshchestva: bytovoi i gendernyi aspekty [The Siberian Experiment in the History of the Soviet Academic Community: Everyday and Gender Aspects]. *QR* 10 (2): 593–611.
- Van Maanen, J. 2011. *Tales of the Field: On Writing Ethnography*. London: University of Chicago.
- Warren, C., and J. Hackney. 2000. *Gender Issues in Ethnography*. Thousand Oaks: Sage.
- Zhidkova, L.F. 2006. *Istoriia Dubny* [History of Dubna]. Dubna.